
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Город и деревня в имперской, советской и современной России

Рецензия на книгу: Миронов Б.Н. (2014) Российская империя: от традиции к модерну. В трех томах. Том 1. Санкт-Петербург: С.-Петербургский госуниверситет, С.-Петербургский институт истории РАН.

Т.Г. НЕФЕДОВА*

*Татьяна Григорьевна Нефедова – доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии РАН. Адрес: 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29. E-mail: trene12@yandex.ru

Цитирование: Нефедова Т.Г. (2018) Город и деревня в имперской, советской и современной России // Мир России. Т. 27. № 1. С. 183–202. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-183-202

Выход в свет трехтомника Бориса Николаевича Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» является ценным подарком для тех, кто не только интересуется российской историей, но и пытается объяснить многие современные процессы. Его труд настолько огромен и всеобъемлющ, что рассматривать его можно лишь по частям. Статья представляет собой попытку некоторой рефлексии на пятую главу первого тома трехтомника. В ней анализируются лишь несколько сюжетов, показывающих, как продолжалась описанная Б.Н. Мироновым история модернизации города и деревни в XX–XXI вв. В статье сравниваются основные особенности городов и сельской местности дореволюционной России с их современными чертами. Выявляются различия взаимодействия городов и деревень в XVI–XX веках и более 100 лет спустя. Изучается, что представляют собой современные города и деревни, как менялось их население, как при росте числа городов происходила их поляризация, особенно в постсоветское время. Прослеживаются процессы урбанизации и кризисной дезурбанизации в XX веке. Особое внимание уделяется возрождению отходничества в современной России, его отличиям от такового в конце XIX – начале XX веков, масштабам и географическим особенностям современной трудовой мобильности населения, связывающей города разного размера и сельскую местность.

Ключевые слова: города, деревни, урбанизация, дезурбанизация, мобильность населения, отходничество

Чем был и что есть город в России?

По точному определению Б.Н. Миронова, «городами являются те поселения, которые признавали городами современники» [Миронов 2014, том 1, с. 790]. Это формулировка не устарела до сих пор. Как и прежде, главным критерием остается городской статус, при этом в разных странах статус города дается поселениям разной численности, что очень затрудняет международные сравнения городов: например, в Дании и Исландии город – это 200 чел., а в Японии – 50 тыс. жителей.

В словарях фигурирует устаревший для России численный критерий, по которому городом вплоть до 2000-х гг. считался населенный пункт с 12 и более тыс. жителей, 85% которых не заняты в сельском хозяйстве [Российский энциклопедический словарь 2000, с. 381]. Но менее 12 тыс. жителей в России в XXI в. имел каждый пятый город, и живет в них 1,7 млн чел.¹ В то же время около 140 сел населяют более 10 тыс. чел., а в некоторых станицах на юге живет до 15–20 тыс. чел. Кроме того, в России к 2017 г. все еще оставалось 1192 поселков городского типа, причем 168 из них имели население 10–20 тыс., а 23 – более 20 тыс. [Численность населения 2017]. Система малых городов, сел, поселков городского типа (ПГТ) очень подвижна. В советское время села стремились стать ПГТ и городами, так что сельское население административным путем ежегодно уменьшалось на десятки и сотни тысяч человек. В 1990-х гг. процесс пошел вспять: сотни ПГТ и даже некоторые города поменяли свой статус на сельский, в том числе ради налоговых льгот, повышенных дотаций на коммунальные платежи и расширения огородов, которые российское законодательство ограничивает в городах, что дало своеобразный фиктивный рост сельского населения на 2 млн чел.

Вопрос, что есть город, а что – сельская местность, давно волнует ученых. Касается этого и Б.Н. Миронов, ссылаясь на В.П. Семенова-Тян-Шанского, который на рубеже XX в. пытался найти критерии «истинных городов» [Семенов-Тян-Шанский 1910], а не только тех, что считались городами официально. Кроме людности последний учитывал торгово-промышленную «бойкость» пунктов, считая признаком города долю несельских занятий. При этом душевой торгово-промышленный оборот должен был превышать 100 руб. в год – среднюю покупательную способность домашней прислуги и рабочих, низших классов горожан. По результатам его оценок, число городов увеличилось с 323 до 709. К «истинным городам» были отнесены многие села, слободы, местечки, заводы, рудники и т.п. В то же время многие официальные города, не удовлетворяющие его критериям, были исключены из числа «истинных». При этом ярко проступали географические различия: больше всего реальных центров нашлось в быстроразвивающихся ареалах, в т.ч. в Центральной России, и меньше всего – в местах застойных и захолустных на окраинах губерний, где зачастую была велика доля «забракованных» им статусных городов. Эти центрально-периферийные различия все более углублялись в XX в.

Если российская перепись 1897 г. показывала 12 млн чел. горожан, т.е. около 13% всего населения России, то города В.П. Семенова-Тян-Шанского (вместе с официальными) увеличивали городское население до 17,7 млн, или 17%. Те же цифры по своим расчетам получил и Б.Н. Миронов [Миронов 2014, том 1, с. 842].

¹ Базы данных Федеральной службы государственной статистики: Паспорта городов 2013; «Мультистат».

Однако попытка В.П. Семенова-Тян-Шанского с помощью данного критерия дать прогноз развития городов в XX в. оказалась не очень удачной: 218 его «истинных», но не официальных городов так городами и не стали, зато в XX в. возникло 500 новых городов, из которых лишь 155 выросли из «истинных» [Нефедова, Полян, Трейвиш 2001, с. 95–124]. Очевидна явная недооценка им, а вслед за ним и Б.Н. Мироновым, административных функций городов, которые впоследствии притягивали и остальные функции. Но самое главное, что никто в начале XX в. не мог предположить столь бурной урбанизации и индустриализации.

Число городов только в границах современной России составляет 1112 [Численность населения 2017]. Но поселенческие контрасты даже увеличились, и по-прежнему, кроме крайних точек (например, С.-Петербурга и маленькой деревушки), мы имеем массу переходных типов – обширное переходное пространство между городом и деревней, по Б.Н. Миронову – «сельско-городской континуум от типичного города к типичной деревне» [Миронов 2014, том 1, с. 826]. В последние годы этому континууму уделяется повышенное внимание [Пацюрковский 2010; Аверкиева, Антонов, Кириллов, Махрова, Медведев, Неретин, Нефедова, Трейвиш 2016, с. 40–61].

В связи с этим, как и прежде, остается неясным вопрос: сколько же горожан в России? Б.Н. Миронов считает, что если бы все поселения свыше 2 тыс. жителей считать городами (как во Франции), то в 1897 г. число городов составило бы 5600, а доля городского населения – 32,3% [Миронов 2014, том 1, с. 843].

По последней переписи 2010 г. горожан в России было 73,7%, или 105,3 млн чел., но это по статусным показателям (города и ПГТ). Современная методика ООН предлагает те же 2 тыс. жителей как критерий города для сравнения доли городского населения в разных странах. По этому критерию почти все города в России, кроме Верхоянска, самого маленького города Чекалина в Тульской области (менее 1000 жителей) и других «крох», можно считать городами, но к этому числу придется добавить 6 млн сельских жителей из сел от 2 до 5 тыс. чел. и еще 6,5 млн из сел с населением более 5 тыс. чел. Доля городского населения в таком случае поднимется до 82% [Нефедова (2) 2013].

На самом деле этот критерий для России не очень хорош. Российские села, даже более чем с 2 тыс. жителей, часто остаются типичными сельскими пунктами по облику и образу жизни населения. Исключение составляют лишь сельские центры муниципальных образований (административных районов), которые, по сути, являются «сельскими городами»: например, село Кинель-Черкассы в Самарской области (18 тыс. жителей) или село Левокумское в Ставропольском крае (15 тыс. чел.) с бойкой торговлей, множеством магазинов, включая вездесущий «Магнит», богатыми домами, в т.ч. многоэтажными, административным центром, кафе, гостиницами и т.п. Такие сельские центры крупнее множества малых городов и тем более ПГТ².

² Степень формальной и фактической сельскости муниципальных центров меняется от региона к региону и сильно зависит от исторических и географических условий. В Калининградской области европейская плотность небольших городов способствовала тому, что муниципальные образования возглавляют исключительно города. В старопромышленных районах (Ивановская область) руководят районами тоже небольшие городки или ПГТ, но уже севернее в Костромской области число городов, ПГТ и сел во главе муниципальных районов выравнивается. В районах нового освоения также во главе районов стоят преимущественно городские образования (Иркутская область). В то же время во многих поволжских и южных регионах именно сельские населенные пункты берут на себя роль центров муниципалитетов, заменяя малые города.

Иной критерий предлагает Мировой банк [Reshaping Economic Geography 2009]. Согласно его методике, урбанизированными территориями можно считать города людностью свыше 50 тыс. жителей, плюс территории с плотностью населения более 150 чел. на км², удаленные от больших городов (свыше 100 тыс.) не более чем на 60 минут пути, по сути – агломерационные зоны. В России, если следовать этим критериям, следует исключить из числа настоящих городов все малые (783 города, хотя в них проживает 15,5% городского населения) и ПГТ (еще 7%), но прибавить сельское население тех территорий, где плотность населения выше 150 чел. на км². Таких мест в России мало: на уровне районов это лишь окружение Москвы. При грубом подсчете доля городского населения в современной России по этому критерию не превысит 60%. Однако и он не очень удачен. Кроме того, что он исключает множество малых городов и добавляет к городским типичные сельские плотно населенные территории. В мировом масштабе это резко усиливает урбанизированность в таких странах, как Египет, Вьетнам, Индия.

Обустройство городов всегда являлось слабым местом России: в 1910 г. при среднем размере города в 25 тыс. чел. 80% домов были деревянными; водопровод был проложен в 20% городов, а канализация – в 5% [Миронов 2014, том 1, с. 831]. Несмотря на развитие технологий и рост уровня жизни населения, критерий наличия элементарных удобств продолжает и сейчас оставаться важным для понимания – что есть настоящий город (*рисунок 1*). Особенно это касается обеспеченности жилого фонда центральной или индивидуальной канализацией, именно ее отсутствие – отличительная черта застройки сельского типа [Нефедова, Полян, Трейвиш 2001, с. 406–414] (*рисунок 1*). Не только на окраинах, но и в центрах современных городов сельская застройка частного сектора – обычное явление. В целом, чем город крупнее, тем лучше выражены его городское обустройство и облик (*рисунок 2*); исключения составляют новые небольшие нефтяные и газовые центры на севере и востоке страны, наукограды и другие новые города. Как и 100 лет назад, именно в городах, население которых превышает 20–25 тыс. чел., создаются условия для радикального изменения образа жизни сравнительно с деревней [Миронов 2014, том 1, с. 797]. Свыше 90% жилого фонда с канализацией имеют города с населением свыше 250 тыс. жителей.

Если учесть, что сельская низкоэтажная застройка в городах занимает на порядок большую площадь, чем многоэтажная с таким же количеством населения, то это означает, что необустроенные города имеют скорее сельский облик. Можно условно выделить несколько типов современных российских городов по этому критерию: более 99% обеспечения канализацией – супергорода, 90–99% – обычные города с небольшой долей частного сектора, 70–90% – полугорода, где частный сектор занимает до половины территории, 50–70% – недогорода, имеющие преимущественно сельский облик с микрорайоном пятиэтажек, 20–50% – непонятная категория, ни город и ни село, и, наконец, менее 20% – фактически сельская местность с одним-двумя 3–5 этажными домами (*рисунок 2*). В 2010 г. из 1056 городов, по которым имелись данные о канализации, в 145 городах жилой фонд был обеспечен ею менее чем на 50%. Правда, проживало в таких не городах и не селах, официально считающихся городами, около 2 млн чел. Гораздо больше насчитывается недогородов (241) с общим населением 7 млн чел. и полугородов (373) с суммарным населением 27,4 млн (*рисунок 3*).

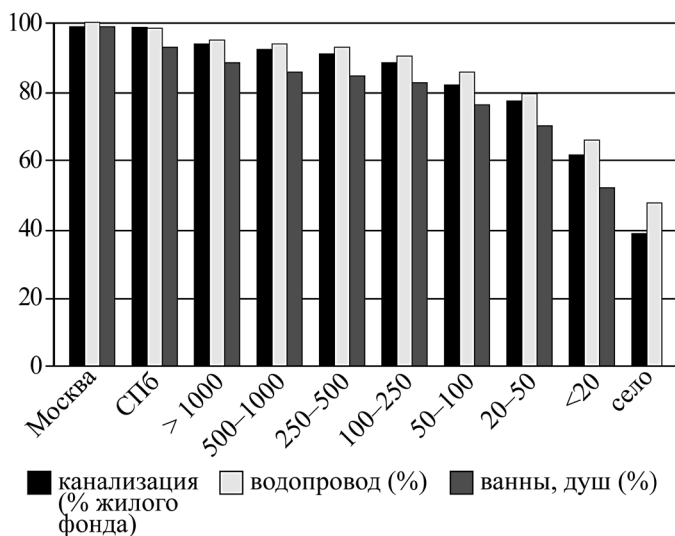

Рисунок 1. Обеспеченность жилого фонда канализацией, водопроводом, ваннами и душем в городах разного размера и в сельской местности, %, 2010 г.
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики: Паспорта городов.

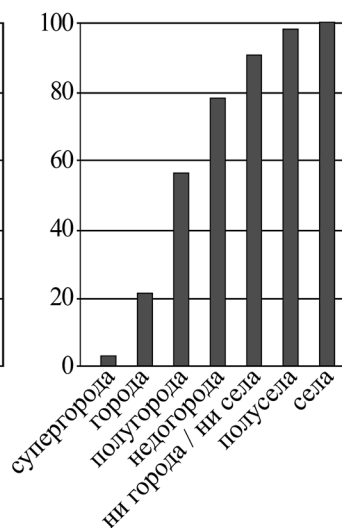

Рисунок 2. Доля индивидуальной застройки в застроенной площади городов с разной степенью обустройства и в сельской местности, %

Рисунок 3. Доля населения в разных типах городов по благоустройству и характеру застройки в городском населении РФ, %, 2010 г.

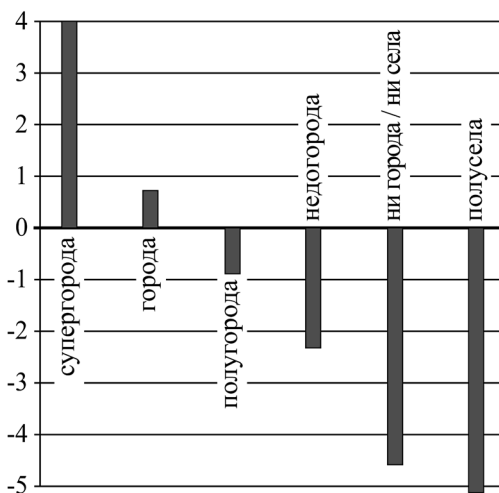

Рисунок 4. Миграционный баланс городского населения на 1000 жителей в городах РФ с разным типом благоустройства, 2010 г.

В современной России в городах именно в городских условиях с элементарным обустройством живет не 74%, а всего лишь около 60% населения России [Нефедова (2) 2013]. И этот простой критерий отражает гораздо более сложные процессы: население не хочет жить в полугородах и недогородах и уезжает отсюда (рисунок 4). По этому критерию Россия очень похожа на Латинскую Америку, а соотношение официальной урбанизации и «бытовой» урбанизации по обустроенности в 2000-х гг. почти полностью соответствовало показателям Мексики.

Правда, есть и обратная сторона – сельская рурбанизация, т.е. строительство многоэтажек и благоустроенных коттеджей в сельской местности. В последние годы в связи с распространением локальной канализации уровень обустройства села повысился и составляет около 40% (рисунок 1). Однако, если это не дачные и коттеджные пригороды, повышение благоустройства не отменяет сельского образа жизни жителей, а исключения составляют центры уже упоминавшихся сел, возглавляющих муниципальные районы.

Российская урбанизация и дезурбанизация в динамике

Обмен населением городов и сельских населенных пунктов зависит от процессов урбанизации и дезурбанизации. Контрастные лишь на первый взгляд, они перетекают друг в друга в ходе эволюции и по-своему сочетаются в каждый момент в каждом месте.

«Хотя формальное отделение города от деревни с получением ими Жалованной грамоты, определявшей юридические права городского населения и появлением должности городничего, произошло в 1785 г.» [Миронов 2014, том 1, с. 384], до XX в. этот процесс протекал довольно медленно, не закончен он и до сих пор.

По мнению Б.Н. Миронова, «<...> с конца 17 века урбанизация волнами сменялась дезурбанизацией. Причинами последней были превышение городской смертности над сельской, слабая миграция в города крестьянства, для которого сельскохозяйственный промысел был выгоднее промышленного и торгового (существовал даже отток горожан в сельскую местность для занятий земледелием). Кроме того, активную урбанизацию сдерживали: колонизация окраин потенциальными переселенцами в города, запаздывание в России промышленной революции, сельская передельная община, гарантировавшая каждому работнику участок земли» [Миронов 2014, том 1, с. 839–845].

«Важно было и то, что урбанизация имела рассеянный характер, что подчеркивал и Семенов-Тянь-Шанский, включая в “истинные города” множество сел. Кроме того, даже при экономическом и демографическом росте населенного пункта он не получал, как и сейчас, статус города автоматически, а только по правительственному указу. Получение статуса города приводило к увеличению местных налогов и переходу земли в собственность всего города. Поэтому даже крестьяне, постоянно живущие в городе, не спешили переходить в городское сословие. Масштабы скрытой и рассеянной урбанизации превосходили урбанизацию официальную» [Миронов 2014, том 1, с. 846].

XX в. стал веком бурной урбанизации, но и она перемежалась периодами дезурбанизации. И многие процессы, которые отмечает Ю.Н. Миронов для царской

России, были характерны и для XX в., тем не менее средний размер городов России рос: в XIX в. – с 5 тыс. до 21 тыс. чел., в XX в. – до 85–90 тыс. чел.

Если использовать не только показатели роста численности городского населения, но основываться на теории дифференциальной урбанизации [Richardson 1980; Fielding 1989; Geyer, Kontuly 1993], то периоды концентрации и деконцентрация населения, чередуясь, наглядно дифференцируют рост поселений разного размера вверх или вниз по их иерархии. Можно выделить три основные стадии: (1) урбанизация (быстрый рост главных городов); (2) поляризация реверсия (*polarization reversal*), или *разворот* (лидерство средних центров) и (3) контрурбанизация (рост населения малых городов и населения сельской местности); затем все возвращается к исходному порядку «большие – средние – малые», или к неоурбанизации. Со временем стадии становятся короче, а общая подвижность населения увеличивается, частая смена миграционных циклов (из крупных центров и обратно при их джентрификации) сочетаются с устойчивостью сложившейся иерархии поселений.

В России первый переход от начальной крупногородской стадии к более зрелой фиксируется после реформ 1860-х гг. До этого росли в основном Москва и Санкт-Петербург, и то неравномерно [Нефедова, Полян, Трейвиш 2001; Путешествие, книга 1, 2015]. «А в целом, – как утверждает Б.Н. Миронов, – доля горожан в европейской части России (без Польши и Финляндии) не росла и даже периодами сокращалась. В 1861 г. размежевание между городом и деревней достигло своего апогея, хотя и тогда они не превратились в противоположности» [Миронов 2014, том 1, с. 860]. «Стали проявляться интеграционные процессы благодаря разрушению сословной структуры и многих ограничений. На рубеже XX века 59% предприятий обрабатывающей промышленности и 61% рабочих размещались в сельской местности» [Миронов 2014, том 1, с. 829].

И все же до Первой мировой войны статистические данные показывали ускоренный рост больших и средних центров³ по сравнению с малыми городскими и сельскими. Правда, значительная часть их населения оставалась в крестьянском сословии. Резкая дезурбанизация произошла в 1914–1922 гг., когда Москва, Петроград, Нижний Новгород и другие крупные центры потеряли до половины жителей, погибших и разбежавшихся по деревням от голода и разрухи [Нефедова, Трейвиш 2002]. В годы первых пятилеток бурно росли все города, страна вернулась к начальной стадии, которая к 1940-м гг. стала переходить в стадию зрелой урбанизации. Великая Отечественная война вновь вызвала временную дезурбанизацию, и в 1950-х гг. страна в третий раз прошла начальную стадию урбанизации, а затем, в более спокойные позднесоветские годы, стадию зрелой урбанизации. К концу 1980-х гг. начался постепенный разворот

³ Поскольку размеры городов менялись, была принята скользящая шкала средней категории городских поселений, задающая планки двум другим [Нефедова, Полян, Трейвиш 2001, с. 95–124, Нефедова, Трейвиш 2002]: до 1897 г. – 5–20 тыс. чел.; для 1897–1926 гг. – 10–50 тыс. чел.; для 1926–1959 гг. – 20–100 тыс. чел.; для 1960-х гг. – 40–200 тыс. чел.; с 1970 г. – 50–250 тыс. чел. В 1897 г. на территории нынешней РФ насчитывалось 85 главных центров, средних – 306, малых – 430 по шкале XIX в. (включая неофициальные «истинные» города В.П. Семенова-Тянь-Шанского), в начале XX в. – 27, 168 и 626 соответственно. К середине XX в. к критерию «город» относились 69 главных, 350 средних и 1600 малых центров (вместе с ПГТ). К 2000 г. главных насчитывалось 74 городов, среднего класса – 263, малого – 755 городов и 1875 ПГТ.

к контрурбанизации. Но из-за кризиса 1990-х гг. крупнейшие центры опять показали отток населения (рисунки 5 и 6), хотя и несколько преувеличенный статистикой, а деревни и малые города (особенно в европейской части России) вновь стали временно привлекательными, причем не столько для жителей мегаполисов, сколько для приезжих из бывших советских республик и жителей севера и востока страны. За кризисной неурочной контрурбанизацией опять последовал возврат к урбанизации, ее новый виток, что и показывает рост крупнейших центров и концентрация в них населения в последние годы, но при этом сельское население продолжало убывать. Все это подтверждает незавершенность урбанизации в России.

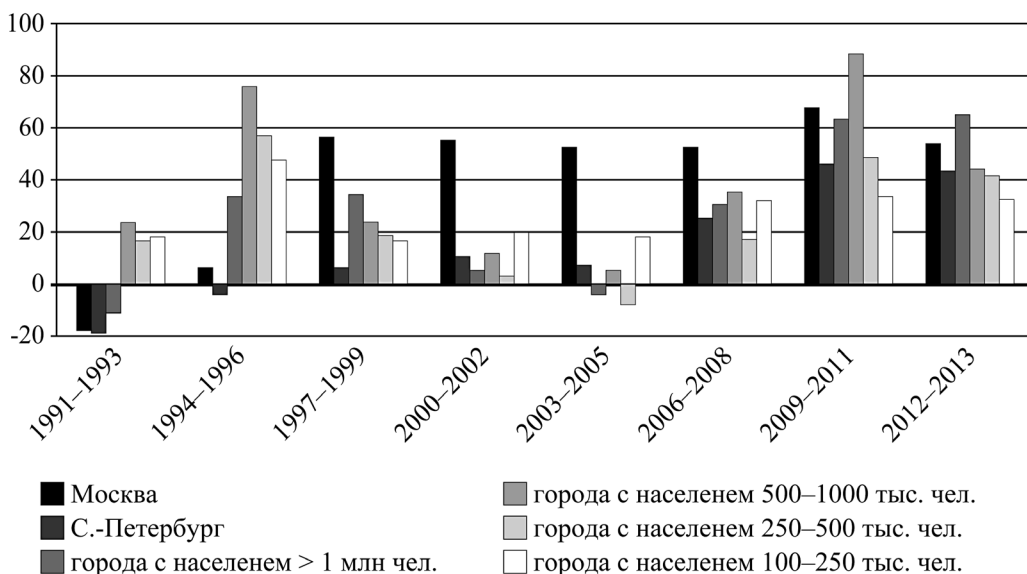

Рисунок 5. Суммарный миграционный баланс на постоянное место жительства Москвы, С.-Петербурга, крупных и больших городов России с 1991–1993 по 2012–2013 гг., тыс. чел. в среднем за год

Источник: Паспорта городов за соответствующие годы; База данных «Мультистат» 2014.

Привлекательность больших городов для населения в современных условиях связана с их экономическим состоянием, в т.ч. возможностью заработать и потратить деньги, с перспективами профессионального роста, социальным обслуживанием и проведением досуга, бытовыми и прочими условиями жизни и т.п. Все эти показатели сильно зависят от местоположения, размера и статуса города, а также от агломерационного эффекта [Зубаревич 2010; Нефедова, Трейвиш 2010, Мрктчан 2011].

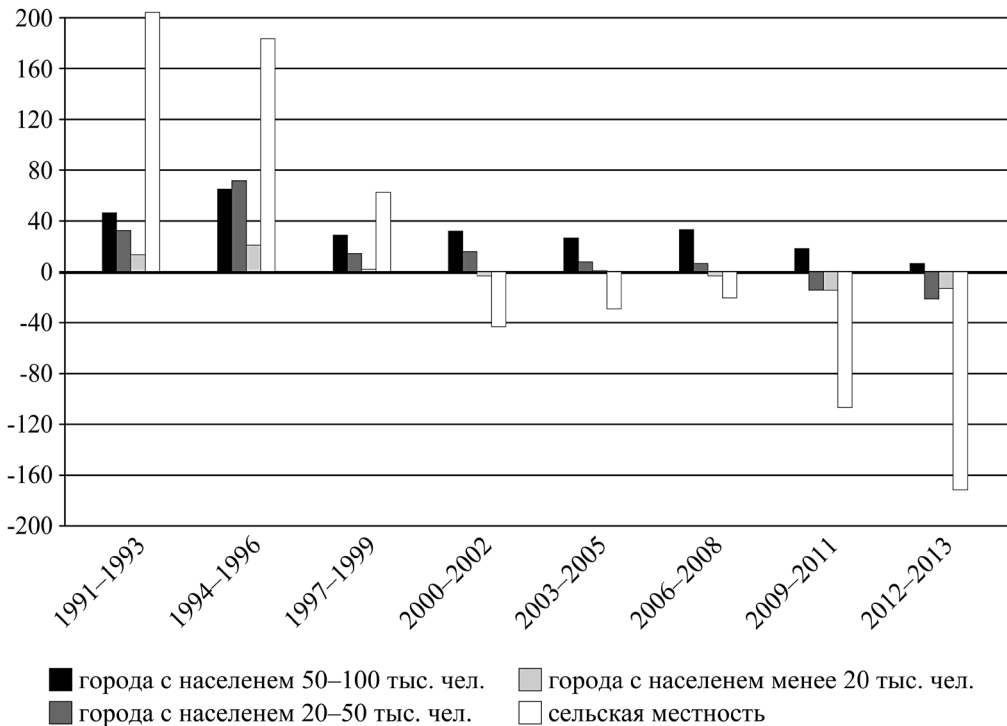

Рисунок 6. Суммарный миграционный баланс на постоянное место жительства средних, малых городов и сельской местности России с 1991–1993 по 2012–2013 гг., тыс. чел. в среднем за год

Источник: Паспорта городов за соответствующие годы; База данных «Мультистат» 2014.

Сельские поселения и население

«В 1678 г. крестьяне составляли 88,7%, городское сословие – 4,2%, в 1795 – соответственно 88,8% и 4,2%, в 1913 г. 80,1% и 17,6%» [Миронов 2014, том 1, с. 445]. «К началу XX века в европейской России насчитывалось 600 тысяч сельских поселений, а после Столыпинской реформы с образованием многочисленных хуторов – 800 тысяч» [Миронов 2014, том 1, с. 802].

Сто лет спустя перепись 2010 г. зафиксировала в России 26% сельского населения, проживающего в 167 тыс. сельских населенных пунктов, из них 35% были без населения или имели население менее 10 чел. В Центральном и Северо-Западном округах (без столичных областей) их доля достигала 46% и 58% соответственно. В отличие от малых деревень-однодворок дореволюционной России, это умирающие деревни, в которых осталось несколько бабушек. На юге таких деревень всего 6%, и, возможно, их можно причислить к фермерским хуторам. Согласно переписи 2010 г., в 51 тыс. деревень проживали от 11 до 100 чел. (преимущественно пенсионеров), в таких деревнях почти не осталось социальной инфраструктуры.

И только в 57 тыс. деревень с населением более 100 чел. имеются магазин, клуб, начальная школа. В Нечерноземье с его мелкоселенным расселением такие села часто служат центрами поселений (бывших сельских администраций).

«Среднее расстояние между деревнями в 1857 г. составляло в европейской России 3,8 км, в 1917 г. – 2,5 км. К 1959 г. густота поселений не менялась, в 1989 г. уменьшилась в 3,3 раза из-за политики укрупнения» [Миронов 2014, том 1, с. 803–804]. В последние годы объединение продолжается. В связи с муниципальной реформой начала 2000-х гг. ежегодная официальная информация дается агрегированно по сельским поселениям, включающим до 10–15 деревень. Таких поселений сейчас 18,7 тыс., и половина их насчитывает суммарное население менее 1000 чел. [Численность населения 2015]. Наиболее крупные поселения характерны для юга и пригородных территорий (Московской и Ленинградской областей). В последние годы идет кампания объединения поселений с дальнейшей концентрацией элементарной инфраструктуры, что делает многие малые деревни практически непригодными для постоянного проживания. Среднее расстояние между деревнями увеличилось по сравнению с началом XX в. и составляет в европейской России 5–10 км, на Урале – 12 км, а в Сибири – 32 км. Однако с объединением сельских поселений расстояние от малых деревень до нового центра увеличивается до 15–20 км, что при плохом состоянии дорог и отсутствии регулярного общественного транспорта только усиливает отток сельского населения.

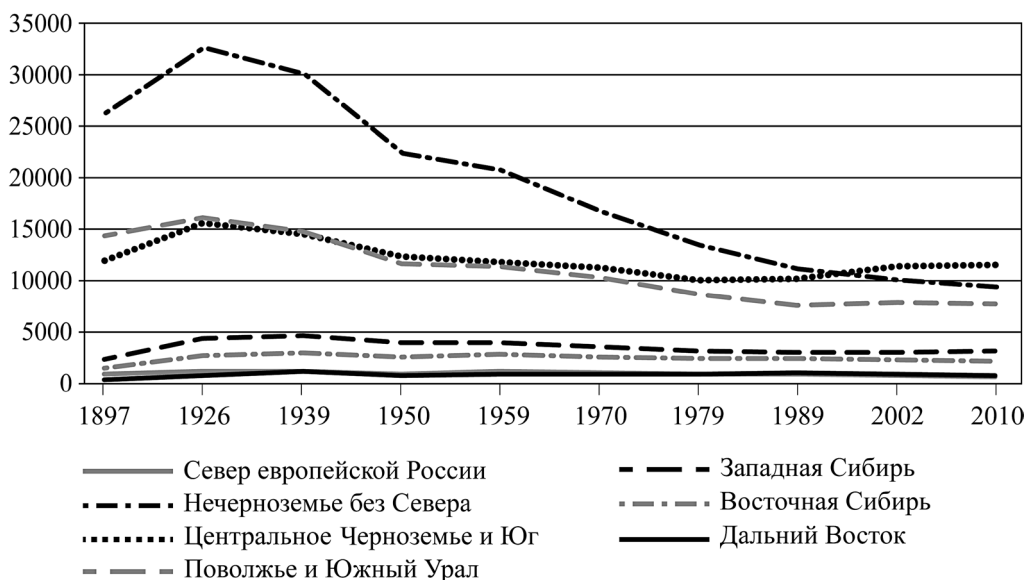

Рисунок 7. Динамика сельского населения по макрорегионам России (по материалам переписей населения, тыс. чел.)

В Нечерноземье численность сельского населения сократилась в несколько раз (рисунок 7), а в периферийных нечерноземных районах – на 80%. В условиях малой

плотности населения отъезд молодых и наиболее активных жителей в города, особенно крупные, усиливал поколенческие связи между городами и деревнями, но он неизбежно приводил к деградации социальной среды в местах оттока, а это, в свою очередь, еще сильнее выталкивало молодое и средневозрастное население в города. Удержать молодежь в сельской местности удастся только южным регионам и пригородам крупных центров [Нефедова (1) 2013; Мкртчян, Кашицкий 2014].

Сельская местность изменилась не только количественно, но и качественно: ее социальная поляризация, несмотря на огромные дотации сельскому хозяйству в советское время, привела к расслоению районов на относительно успешные южные и депрессивные нечерноземные, в которых в советское время включались в хозяйственный оборот все больше земель худшего качества.

«Уход» на рубеже XX и XXI вв. сельского хозяйства из районов со сложными природными условиями в южные регионы России стал отражением нормального для рыночных условий территориального разделения труда: производство стремится в регионы, лучше обеспеченные не только природными, но и трудовыми ресурсами; туда же стягиваются и капиталы [Нефедова (1) 2013]. Тем более что кроме природных условий на плотность сельского населения, его динамику и результаты сельского хозяйства в XX в. стали сильно влиять большие города [Иоффе, Нефедова 2001].

Однако бедой России была и остается редкая сеть городов, что отмечает и Б.Н. Миронов: «<...> сеть городов следует признать чрезвычайно редкой. В 1857 г. среднее расстояние между городами и посадами в европейской России (без Польши и Финляндии) составляло 87 км, в Сибири – 516 км, в 1914 г. соответственно 83 и 495. Это чрезвычайно затрудняло сношения между городом и деревней и между городами. В Великобритании, Германии, Италии, Франции и др. европейских странах в середине XIX века 10–28 км, в начале XX века 8–15 км» [Миронов 2014, том 1, с. 795]. В XX в. за счет резкого увеличения числа городов расстояния несколько сократились: к 1987 г. среднее расстояние между городами европейской части СССР стало менее 30 км [Миронов 2014, том 1, с. 796], но это произошло за счет увеличения числа малых городов, в т.ч. в западных республиках. Однако потенциала малого города обычно недостаточно, чтобы притягивать в пригороды население и инвестиции. Изменение показателей плотности населения, инфраструктуры, экономических показателей, урожайности и даже надоев молока от одной коровы на уровне муниципальных районов заметно лишь в пригородах больших городов (свыше 100 тыс. жителей) [Иоффе, Нефедова 2001; Нефедова (1) 2013]. Больших городов в России всего 169, и среднее расстояние между ними даже в европейской части составляет 108 км, в т.ч. в Нечерноземье (без Московской области с ее плотной сетью городов) – 150 км, на юге – 87 км. При среднем радиусе пригородных районов в освоенной части в 30 км огромные сельские пространства оказываются выброшенными из сферы влияния городов.

«В 1897 г. по переписи населения в европейской России (без Польши и Финляндии) 82,6% сельского населения занималось сельским хозяйством, 5,6% – промышленностью, 4,1% работали в сфере обслуживания и занимались торговлей, а 1,5% составляли рантье и пенсионеры» [Миронов 2014, том 1, с. 827]. В 2013 г. структура занятости в сельской местности кардинально изменилась: из 37 млн сельских жителей 21 млн составляли люди трудоспособного возраста, и только 4,9 млн были заняты в традиционных для сельской местности отраслях – сельском, лесном хозяйстве, рыболовстве и охоте [Экономическая активность населения 2014]. По найму

на агропредприятиях числилось всего 2,3 млн чел. Правда, большинство сельских жителей (как и малых городов) продолжали содержать личное подсобное хозяйство, однако товарность и существенную прибавку к питанию оно давало в основном в южных районах и в некоторых республиках, сохранивших трудовой потенциал в сельской местности. От 25 до 40% (в регионах с упадком сельскохозяйственных предприятий) трудоспособного населения было занято в бюджетной сфере, которая в последние годы также сокращается в связи с объединением поселений. Доля пенсионеров достигает в некоторых районах (особенно на периферии нечерноземных регионов) половины и более населения, а незанятое в месте проживания население составляет от 10 до 30% трудоспособных. Как правило, оно не регистрируется в службе занятости, а находит иные способы выживания или спивается.

Таким образом, для России характерен своеобразный парадокс. Если в начале XX в. перенаселенность сельской местности, особенно в центральных и центрально-черноземных губерниях [*Рыбников 1929*] была связана с высокой плотностью сельского населения и малоземельем, то в начале XXI в. при сильном и продолжающемся сокращении сельского населения новые институциональные условия также выявили его избыток в сельской местности. Он связан либо с закрытием нерентабельных традиционных предприятий, либо с модернизацией и сокращением занятости на успешных предприятиях при неразвитости малого бизнеса в сельской местности [*Нефедова (1) 2015, Аверкиева, Антонов, Кириллов, Махрова, Медведев, Неретин, Нефедова, Трейвиш 2016*], те же процессы протекают и в малых городах. Все это привело к возрождению дореволюционного отходничества как основного способа адаптации населения к сложившимся условиям.

Между городом и деревней: отходничество как разновидность пространственной мобильности населения

Расширение отходничества фиксируется с 1830-х гг., однако пик был связан с отменой крепостничества в 1861 г., когда увеличилась доля безземельных крестьян. В то же время развитие промышленности в больших городах требовало все больше рабочих рук, формировался городской рынок труда, что стимулировало временные заработки уже свободных крестьян на отходе.

Хотя Б.Н. Миронов и не уделяет отходникам особого внимания, но в его книге их анализ важен для понимания взаимодействия города и деревни. Причину распространения именно отходничества, а не переселения в города, он рассматривает в возможности, в т.ч. благодаря общине, сохранить землю как надежный прокорм в деревне. «Хотя в деревне росло малоземелье, крестьяне еще имели значительный фонд надельной земли, которую хотели сохранить за собой. Поэтому в пореформенное время раскрестьянивание шло медленно. Отходники в города оставляли свои семьи в деревне и не стремились закрепиться в городе. Доля женщин старше 16 лет в деревне была выше на 10% и в 1856, и в 1897 гг. Если бы разделенные семьи соединились в городах, доля городского населения поднялась бы на 4%» [*Миронов 2014, том 1, с. 841*].

«Сравнение данных о приписном и наличном населении позволяет до некоторой степени судить о масштабах горизонтальной, прежде всего географической

мобильности населения, связанной с тем, что горожане и селяне искали более выгодные сферы приложения труда и капитала» [Миронов 2014, том 1, с. 848]. «В 1860-е годы ими занимались 1,3 млн крестьян» [Миронов 2014, том 1, с. 840]. «Они не имели никакого отношения к городскому обществу и не платили налогов и сборов» [Миронов 2014, том 1, с. 852]. «В 1886–1893 гг. 72% работали на фабриках и заводах постоянно, а 28% уходили на родину для сельскохозяйственных работ (от 24 до 89% постоянных работников). Из них половина владели землей. В 1902 г. 58% рабочих проживало в сельской местности. Например, во Владимирской губ. у 51% работа находилась на расстоянии не менее 15 верст от дома, а среднее расстояние было 39 верст» [Миронов 2014, том 1, с. 414–415].

По оценкам С.А. Короленко, численность отходников к концу XIX в. составляла 5–6 млн чел., правда, из них 2,5 млн чел. направлялись на сельскохозяйственные работы на юг и восток европейской части России [Короленко 1892]. На самом деле численность отходников была больше, их недоучет составлял в разные годы до 30%. В одних губерниях отхожие рабочие не превышали 10 % мужского рабочего населения, в некоторых центральных (например, в Московской и Смоленской) их было больше 40 %. В Новгородской губернии в разные периоды года вне своих хозяйств была занята треть мужчин [Янсон 1881]. Отметим, что неземледельческий отход был более типичен для нечерноземной полосы.

Важно, что отходничеством занимались не только крестьяне, но и горожане, имеющие бизнес в деревне. «Среди наличного населения в городах крестьян всегда было намного больше, чем среди приписного, к началу XX века – 45%. А среди сельского населения купцы и мещане составляли 6–6,6%» [Миронов 2014, том 1, с. 848].

В конце 1920-х гг. интенсивность отходничества возросла: индустриализация требовала рабочих рук. Были даже изданы постановления 1930 и 1931 гг. об устранении препятствий для отходничества, предусматривающие определенные льготы колхозникам-отходникам. Однако начавшаяся коллективизация круто изменила ситуацию, в 1933 г. была введена паспортизация населения, но при этом крестьянство было лишено паспортов. Тем самым колхозники были официально прикреплены к месту проживания, причем разрешение на работу в городах, лечение, обучение могло давать лишь правление колхоза. Таким образом, самостоятельное индивидуальное отходничество сошло на нет, но его заменил официальный набор колхозников на заводы и стройки в города. Еще одним видом временных трудовых миграций в советское время была вахта в удаленные районы.

К середине 1990-х гг. все чаще стали закрываться сельскохозяйственные предприятия в Нечерноземье, заводы в малых и средних городах. Зарплаты там были крайне низкие, в то время как в крупных агломерациях требовались рабочие руки, а зарплата даже в бюджетной сфере была в 2–3 раза выше [Аверкиева, Антонов, Кириллов, Махрова, Медведев, Неретин, Нефедова, Трейвиш 2016 с. 83–102]. В 2000-х гг. на этапе выхода сельского хозяйства из кризиса колхозы в относительно успешных южных районах все более заменялись новыми модернизированными предприятиями и агрохолдингами, требующими в 3–5 раз меньше занятых [Нефедова (1) 2015]. Выявился огромный резерв незанятой рабочей силы. Массы людей отправились в крупные центры, предлагая себя в качестве охранников, строителей, плотников, продавцов, прислуги, водителей, медицинских работников, учителей. При этом квартиры там стали недоступны по ценам, провоцируя особый тип полурбанизации – современное массовое отходничество, частично

напоминающее дореволюционное. Но есть три главных отличия. Первое состоит в том, что массовое отходничество в крупные центры характерно как для сельской местности, так и для населения малых, средних и даже некоторых больших городов. Во-вторых, современный отход наиболее активного населения идет не только из мест с повышенной плотностью сельского населения, но и из сильно депопулировавших районов, усиливая поляризацию пространства и социально-экономическое опустошение сельской местности. И, наконец, земледельческий отход для российского населения не характерен, им занимаются в основном иностранные рабочие из бывших советских республик⁴.

Изучение современных отходников крайне затруднено ввиду отсутствия их официального учета статистическими службами. Основными источниками остаются перепись населения 2010 г. (2,6 млн чел. практиковало работу вне места проживания), ежегодные обследования населения по проблемам занятости (в 2012–2013 гг. число отходников оценивалось в 1,6 млн чел., а общее число трудовых российских мигрантов вместе с ежедневными маятниковыми – 2,3 млн чел.)⁵ [Труд и занятость 2013; Обследование населения 2013] и опросы населения. По мнению многих экспертов, обе оценки очень занижены. Попытки распространить более детальные социологические исследования отдельных регионов на всю страну давали иные оценки – 3–6 млн [Зайончковская, Мкртчян 2007; Рязанцев 2004 и др.].

В Москве общее число приезжающих в столицу трудовых мигрантов достигает, по данным Обследования населения по проблемам занятости [Обследование населения 2013], более 1,1 млн чел. (51% всех отходников), что составляет 18% к общему числу занятых в столице, правда, половина из них из Московской области (470 тыс.). Само Подмосковье привлекает, по официальным данным, 183 тыс. трудовых мигрантов (8% отходников), что не компенсирует ее потери в столице. В примыкающих к столичному региону областях насчитывают 32% всех отходников, работающих в Москве и Московской области. Все остальные регионы Нечерноземья, человеческий потенциал в которых сильно истощен, – всего 12%, но при этом еще 31% приезжает из Поволжья (14%) и с юга России (23%)⁶.

Заключение

Колоссальные катаклизмы XX в. сопровождалась волнообразностью российской истории. Волны закрепощения крестьян и даже горожан сменялись всплесками относительной свободы, при которой взаимопереплетение города и деревни усиливалось. Волны урбанизации и увеличение потоков селян в города вытеснялись наращиванием дезурбанизации, причем не всегда кризисной. И сейчас при неза-

⁴ Наиболее подробно отходничество в наше время как особый вид трудовых миграций и особая модель экономического поведения разобрано в книге Ю.М. Плюснина с соавторами «Отходники» [Плюснин, Заусаева, Жидкевич, Позаненко 2013], а также в книге «Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения» [Аверкиева, Антонов, Кириллов, Махрова, Медведев, Неретин, Нефедова, Трейвиш 2016].

⁵ Ежеквартально опрашивается 69 тыс. чел., что составляет 0,25% населения в год.

⁶ Рассчитано по данным опросов населения по проблемам занятости (см. подробнее [Нефедова (1) 2015]).

вершенной урбанизации все яснее вырисовываются дезурбанизационные тенденции, имеющие в России свою специфику и связанные с сезонной дачной возвратной мобильностью населения. Ее корни также уходят далеко в историю: начиная с переезда летом дворян, живущих в городах, в свои поместья, потом через дачи разночинцев, государственные и частные дачи советской элиты, массовые садовые товарищества и заканчивая покупкой домов в деревнях [Нефедова (2) 2015]. Статистическая информация о дачах (кроме садовых, дачных и огородных товариществ) также отсутствует, а они благодаря своей массовости, несравнимой с другими странами [Трейвиш 2015], оказывают существенное влияние на сельскую местность, поскольку владеют ими, по разным оценкам, от 35 до 50% горожан. Такого типа возвратные миграции между городом и деревней значительно превосходят все остальные. Вместе с отходниками из сельской местности дачники усиливают взаимосвязи и взаимозависимость городов и сельской местности.

Страна изменилась и ... не изменилась. Выросли большие города, далеко вперед шагнул технический прогресс, но в российской глубинке время как бы остановилось. Те же деревянные покосившиеся дома с огородами (но с телевизионными тарелками), те же колонки и колодцы на улицах, те же старушки на лавочках (но с сотовыми телефонами: ведь дети теперь живут в городе). На главной площади небольшого города можно увидеть козу на обочине, а на улицах – возвращающихся домой коров. Страна перестала быть сельской, но по-прежнему отходники из деревень направляются в столицы на заработки, только не пешком, а на поездах и стареньких советских автомобилях. Страна стала городской, но по-прежнему горожане озабочены земледельческими проблемами, но только на своих крохотных дачных участках.

Контрасты между главными городами и остальной территорией – типичная черта России. Недаром так актуально звучат слова поэта и в то же время одного из первых фермеров Афанасия Фета, написанные 150 лет назад: «Привыкшие в столицах к громадному, непрестанному движению капиталов не хотят понять, каким образом целая необъятная местность, без различия сословий, в продолжении месяцев сидит без копейки» [Фет 2001]. Эти контрасты пытались сгладить в позднесоветское время, «подтянув» деревню до города и по оплате труда, и по условиям жизни, но удалось это только отчасти в пригородах и на юге. Наоборот, большие города наводняли и в XX в., как и в предыдущие века, выходцы из деревни, не адаптированные к суетной городской жизни. А с приходом рынка контрастность российского пространства, на которое всегда не хватало, а сейчас особенно не хватает ни людей, ни денег, усилилась. По словам Б.Н. Миронова, «<...> деревня никогда не являлась противоположностью городу, просто она от него отставала, иногда очень сильно – на два-три и более поколения» [Миронов 2014, том 1, с. 860].

Литература

- Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Медведев А.А., Неретин А.С., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2016) Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф // <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf>
- Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. (1897) Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб.: Типография Акционерного общества Брокгауз-Эфронъ. С. 472–475.

- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. (2007) Внутренняя миграция в России: правовая практика. М.: Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. С. 24–36.
- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. (2008) Внутренние мигранты на российском рынке труда – мнения управленцев, работодателей и самих мигрантов // Демоскоп Weekly. № 337–338 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0337/analit05.php>
- Зубаревич Н.В. (2010) Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики.
- Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. (2001) Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 100–110.
- Короленко С.А. (1892) Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях // Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Выпуск V. СПб. С. 80–81.
- Миронов Б.Н. (2014) Российская империя: от традиции к модерну. В трех томах. Том 1. Санкт-Петербург: С.-Петербургский госуниверситет, С.-Петербургский институт истории РАН.
- Мкртчян Н.В. (2011) Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центрo-периферийных отношений // Коровкин А.Г. (ред.) Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс. С. 416–430.
- Мкртчян Н.В., Кашницкий И.С. (2014) Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север // Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. М.: Логос. С. 123–140.
- Нефедова Т., Полян П., Трейвиш А. (ред.) (2001) Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен. М.: ОГИ.
- Нефедова Т.Г. (1) (2013) Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS-ЛЕНАНД.
- Нефедова Т.Г. (2) (2013) Большой, средний, малый город и село в России // Махрова А. (ред.) География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск: Ойкумена. С. 171–191.
- Нефедова Т.Г. (1) (2015) Отходничество в системе миграций в современной России. Предпосылки. География // Демоскоп Weekly. №№ 641–642, 643–644 // http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php#_ftn1
- Нефедова Т.Г. (2) (2015) Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп Weekly. № 657–658 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0657/tema02.php>
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2002) Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Махрова А.Г. (ред.) Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена. С. 71–86.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2010) Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. № 2. С. 42–57.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (ред.) (2015) Путешествие из Петербурга в Москву 222 года спустя. Книга 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом. М.: URSS-ЛЕНАНД.
- Обследование населения по проблемам занятости (2013) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm
- Пациорковский В.В. (2010) Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН.
- Плюсин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) Отходники. М.: Новый Хронограф.
- Российский энциклопедический словарь (2000). М.: БРЭ.
- Рыбников А.А. (1929) Перенаселение и борьба с ним // Морозов М., Юньев И. (ред.) Хрестоматии «Экономическая география. Том II. СССР. М.: Издательство коммунистического ун-та им. Я.М. Свердлова. С. 60–111.
- Рязанцев С.В. (2004) Внутренняя миграция населения в России: региональные особенности и перспективы // Народонаселение. № 3. С. 106–115.

- Семенов-Тянь-Шанский В.П. (1910) Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб: Типография Киришбаума.
- Трейвиш А.И. (2015) Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // Демоскоп Weekly. № 655–656 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema01.php>
- Труд и занятость. Статистический справочник (2013). М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Фет А. (2001) Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М.: НЛЮ.
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года (2017) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce
- Экономическая активность населения (2014). М.: ФСНС.
- Янсон Ю.Э. (1881) Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Изд. 2-ое. СПб.
- Fielding A.J. (1989) Migration and Urbanization in Western Europe since 1950 // *The Geographical Journal*, vol. 155, no 1, pp. 60–69.
- Geyer H.S., Kontuly T. (1993) A Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization // *International Regional Science Review*, vol. 15, no 2, pp. 157–177.
- Reshaping Economic Geography. World Development Report (2009) // The World Bank. Washington, DC // http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2009/Resources/4231006-1225840759068/WDR09_00_FMweb.pdf
- Richardson H.W. (1980) Polarization Reversal in Developing Countries // *Papers of the Regional Science Association*, no 45, pp. 67–85.

City and Countryside in the Imperial, Soviet and Modern Russia

Book review: Mironov B.N. (2014) *Rossijskaya imperiya: ot traditsii k modernu. V trekh tomakh. Tom 1* [The Russian Empire: from Tradition to Modernity. 3 Volumes. Vol. I], Saint Petersburg: SPb State University, SPb Institute of History, RAS.

T. NEFEDOVA*

***Tat'yana Nefedova** – Doctor of Science in Geography, Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Address: 29, Staromonetnyj lane, Moscow, 119017, Russian Federation. E-mail: trene12@igras.ru

Citation: Nefedova T. (2018) *City and Countryside in the Imperial, Soviet and Modern Russia. Mir Rossii*, vol. 27, no 1, pp. 183–202 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-183-202

Abstract

The recent book by the Russian historian Boris Mironov ‘The Russian Empire: From Tradition to Modernity’ (in 3 volumes) is a valuable gift for those who are not only interested in Russian history, but also seek explanations for modern processes. The book

is so incredibly encompassing that one can only review a part of it. The current review contains reflections on the fifth chapter of the first volume, in which Mironov discusses the modernization process of Russian cities and villages. The review compares the main features of modern cities and the countryside in Russia with their pre-revolutionary predecessors described by Mironov, examines the impact of an increasing number of cities on the polarization of space in the post-Soviet era, and traces the processes of urbanization and de-urbanization connected with crises in the 20th century. Special attention is paid to the revival of labor migration (otkhod) in modern Russia, its difference from similar processes in the late 19th-early 20th centuries, and the geographical features of modern labor mobility connecting cities of different sizes with rural areas.

Key words: towns, villages, urbanization, de-urbanization, population mobility, labor migration

References

- Averkiova K.V., Antonov E.V., Kirillov P.L., Makhrova A.G., Medvedev A.A., Neretin A.S., Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2016) *Mezhdru domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia], Moscow: Novyj khronograf. Available at: <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf>, accessed 31 October 2017.
- Brokgauz F.A., Efron I.A. (1897) *Entsiklopedicheskiy slovar'*. T. XXII [Encyclopedic Dictionary. Vol. XXII], Saint Petersburg: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva "Brokgauz-Efron", pp. 472–475.
- Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2015 goda (2015) [The Population of the Russian Federation in Municipality Breakdown as of January 1, 2015]. *Federal State Statistics Service of Russian Federation*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce, accessed 31 October 2017.
- Ekonomicheskaya aktivnost' naseleniya* (2014) [Economic Activity of the Population], Moscow: FSNS.
- Fet A. (2001) *Zhizn' Stepanovki, ili Liricheskoe khozyajstvo* [The Life of Stepanovka, or Lyrical Economy], Moscow: NLO.
- Fielding A.J. (1989) Migration and Urbanization in Western Europe since 1950. *The Geographical Journal*, vol. 155, no 1, pp. 60–69.
- Geyer H.S., Kontuly T. (1993) A Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization. *International Regional Science Review*, vol. 15, no 2, pp. 157–177.
- Ioffe G.V., Nefedova T.G. (2001) Tsentri i periferiya v sel'skom khozyajstve rossijskikh regionov [The Center and Periphery in the Agriculture of Russian Regions]. *Problemy prognozirovaniya*, no 6, pp. 100–110.
- Korolenko S.A. (1892) Vol'nonaemnyj trud v khozyajstvakh vladel'cheskikh i peredvizhenie rabochikh v svyazi so statistiko-ekonomicheskim obzorom Evropejskoj Rossii v sel'skokhozyajstvennom i promyshlennom otnosheniyakh [Free Labor in Privately Owned Farms and the Movement of Workers from the Statistical and Economic Overview of Agricultural and Industrial Relations in European Russia]. *Sel'skokhozyajstvennyye i statisticheskie svedeniya po materialam, poluchennym ot khozyaev. Vypusk V* [Agricultural and Statistical Information According to the Materials Provided by Proprietors. Issue V], Saint Petersburg, pp. 80–81.

- Mironov B.N. (2014) *Rossijskaya imperiya: ot traditsii k modernu*. V trekh tomakh. Tom 1 [The Russian Empire: from Tradition to Modernity. In Three Volumes. Vol. 1], Saint Petersburg: SPb State University, SPb Institute of History, RAS.
- Mkrtychyan N.V. (2011) Migratsionnyj balans rossijskikh gorodov: k voprosu o vliyaniy razmera i polozheniya v sisteme tsentro-periferijnykh otnoshenij [The Migration Balance in Russian Cities: to the Question Regarding the Effect of the Size and Position in the System of Center-periphery Relations]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Papers: Institute of Economic Forecasting RAS] (ed. Korovkin A.G.), Moscow: MAKSPRESS, pp. 416–430.
- Mkrtychyan N.V., Kashnitskij I.S. (2014) Styagivanie naseleniya s periferii v regional'nye tsentry: Rossiya i Evropejskij Sever [The Contraction of Population from the Periphery to Regional Centers: Russia and the European North]. *Potentsial Blizhnego Severa: ehkonomika, ehkologiya, sel'skie poseleniya. K 15-letiyu Ugorskogo proekta* [The Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements. For the 15th Anniversary of Ugorsky Project] (Pokrovskij N.E., Nefedova T.G.), Moscow: Logos, pp. 123–140.
- Nefedova T.G. (1) (2013) *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoj Rossii: otvety geografa* [Ten Topical Issues about Rural Russia. A Geographer's Viewpoint], Moscow: URSS-LENAND.
- Nefedova T.G. (2) (2013) Bol'shoj, srednij, malyj gorod i selo v Rossii [Large, Medium and Small Town and Villages in Russia]. *Geografiya, gradostroitel'stvo, arkhitektura: sintez nauk i praktik* [Geography, Urban Planning, Architecture: a Synthesis of Science and Practice] (ed. Makhrova A.), Smolensk: Ojkumena, pp. 171–191.
- Nefedova T.G. (1) (2015) Otkhodnichestvo v sisteme migratsij v sovremennoj Rossii. Predposylki. Geografiya [Temporal Work (Otkhodnichestvo) in the System of Migration in Modern Russia. Background. Geography]. *Demoskop Weekly*, no 641–642, 643–644. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php#_ftn1, accessed 31 October 2017.
- Nefedova T.G. (2) (2015) Rossijskie dachi v raznom masshtabe prostranstva i vremeni [Russian Dachas in a Different Scale of Space and Time]. *Demoskop Weekly*, no 657–658. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0657/tema02.php>, accessed 31 October 2017.
- Nefedova T., Polyan P., Trejvish A. (eds.) (2001) *Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: 100 let peremen* [City and Village in European Russia: 100 Years of Changes], Moscow: OGI.
- Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2002) Teoriya «differentsial'noj urbanizatsii» i ierarkhiya gorodov v Rossii na rubezhe XXI veka [The Theory of “Differential Urbanization” and Hierarchy of Cities in Russia at the Turn of the XXI Century]. *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [Problems of Urbanization at the Turn of the Century] (ed. Makhrova A.G.), Smolensk: Ojkumena, pp. 71–86.
- Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2010) Goroda i sel'skaya mestnost': sostoyanie i sootnoshenie v prostranstve Rossii [Cities and Countryside: the State and the Ratio in the Space of Russia]. *Regional'nye issledovaniya*, no 2, pp. 42–57.
- Nefedova T.G., Trejvish A.I. (eds.) (2015) *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu 222 goda spustya. Kniga 1. Dva stoletiya rossijskoj istorii mezhdou Moskvoy i Sankt-Peterburgom* [The Journey from Saint Petersburg to Moscow 222 Years Later. Book 1. Two Centuries of the Russian History Between Moscow and St. Petersburg], Moscow: URSS-LENAND.
- Obsledovanie naseleniya po problemam zanyatosti (2013) [A Survey of Population on Employment Problems]. *Federal State Statistics Service of Russian Federation*. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm, accessed 31 October 2017.
- Patsiorkovskij V.V. (2010) *Sel'sko-gorodskaya Rossiya* [Rural-urban Russia], Moscow: ISEHPN RAN.
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Otkhodniki* [Temporary Labor Migrants], Moscow: Novyj Khronograf.
- Rossijskij entsiklopedicheskij slovar'* (2000) [Russian Encyclopedic Dictionary], Moscow: BRE.
- Reshaping Economic Geography. World Development Report (2009). *The World Bank*. Washington, DC. Available at: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2009/Resources/4231006-1225840759068/WDR09_00_FMweb.pdf, accessed 31 October 2017.
- Richardson H.W. (1980) Polarization Reversal in Developing Countries. *Papers of the Regional Science Association*, no 45, pp. 67–85.

- Ryazantsev S.V. (2004) Vnutrennyaya migratsiya naseleniya v Rossii: regional'nye osobennosti i perspektivy [Internal Migration of the Russian Population: Regional Peculiarities and Prospects]. *Narodonaselenie*, no 3, pp. 106–115
- Rybnikov A.A. (1929) Perenaselenie i bor'ba s nim [Overpopulation and the Struggle Against It]. *Khrestomatii «Ekonomicheskaya geografiya. Tom II. SSSR* [The Anthology “Economic Geography” Vol. II. USSR] (eds. Morozov M., Yun'ev I.), Moscow: Izdatel'stvo kommunisticheskogo un-ta im. Ya.M. Sverdlova, pp. 60–111.
- Semenov-Tyan-Shanskij V.P. (1910) *Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii. Ocherk po ekonomicheskoi geografii s 16 kartami i kartogrammami* [City and Village in European Russia. An Essay in Economic Geography With 16 Maps and Sartograms], Saint Petersburg: Tipogr. Kirshbauma.
- Trejvish A.I. (2015) Dachnaya mobil'nost', dachnyj mentalitet i dachevedenie [Dacha's Mobility, Dacha's Mentality and Dacha Studies]. *Demoskop Weekly*, no 655–656. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema01.php>, accessed 31 October 2017.
- Trud i zanyatost'. Statisticheskij spravocnik* (2013) [Labor and Employment. Statistical Yearbook], Moscow: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki.
- Yanson Yu.E. (1881) *Opyt statisticheskogo issledovaniya o krest'yanskikh nadelakh i platezhakh* [An Exercise in Statistical Investigation of Peasant Allotments and Payments], Saint Petersburg.
- Zajonchkovskaya Zh.A., Mkrtychyan N.V. (2007) *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: pravovaya praktika* [Internal Migration in Russia: Legal Practice], Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovanij, Institut narodnokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN, pp. 24–36.
- Zajonchkovskaya Zh.A., Mkrtychyan N.V. (2008) Vnutrennie migranty na rossijskom rynke truda – mneniya upravlentsev, rabotodatelej i samikh migrantov [Internal Migrants on the Russian Labor Market – Opinions of Managers, Employers and Migrants Themselves]. *Demoskop Weekly*, no 337–338. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0337/analit05.php>, accessed 31 October 2017.
- Zubarevich N.V. (2010) *Regiony Rossii. Neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [The Regions of Russia. Inequality, Crisis, Modernization], Moscow: Nezavisimyj institut sotsial'noj politiki.